

Говорят: «Не можешь изменить что-то – измени к нему отношение». Я почему-то подумала: «Отношение к событиям – это как бы доминанта мировоззрения, направленности личности. Но личность вот у каждого разная, по-своему хорошая, по-своему уязвимая».

Их огородные участки были рядом. В общем, дачные соседи. Обе хозяйки были люди одной профессии. Знали друг друга уже без малого сорок лет. В молодости дружили, но чем старше становились, тем более прозаическими были их отношения. При какой-либо необходимости в хозяйстве – сотрудничали. Но всё чаще возникало между ними непонимание в способе общения, в способе хозяйствования. В тайне, не признаваясь себе, одна осуждала отсутствие должной преданности огороду у соседки, а другая, восхищаясь цветами и грядками рядом со своим огородом, не принимала позиции владелицы их, почему-то наглухо отгораживающееся от общественных проблем своим миром.

Мария была старше на пять лет своей соседки, довоенная. Потомственный садовод и огородник, она так любила каждый

кустик, каждый цветок, посаженный ей, что в скорости, когда ослабли силы, когда болезнь пригибала её, интерес к людям как-то угас. Общалась с родными, да с теми, до которых, как говорят, можно «достать рукой». Всё остальное время она посвящала сезонным работам на своих грядках. Её звали в гости, на праздник, навестить подругу детства, но она всё это воспринимала, как измену другу – огороду. Иногда трагические события уносили подруг, и она присутствовала уже на прощальных моментах ухода из жизни.

Её соседка Надежда не мечтала в детстве, да и в юности, что будет огородничать. Во многом была неумехой и тайком подсматривала, как управляется Мария в своём огороде, чтобы что-то перенять. Урожаи у Надежды были скромные, ибо и сил не так уж много в её возрасте, и привыкла она размышлять, как помочь, то одному, то другому человеку, общественному делу. Это отнимало у неё время, но приносило радость. Отношение к ней у людей было разное. Одни были благодарные, когда она втягивала их в добрые дела, другие осуждали, думая, что не может человек в наше время быть бескорыстным. Были и уж совсем беспринципные: «Да Надежда в каждой бочке затычка», – говорили они. Она любила читать. У неё было много друзей, которые пишут. В книгах она неустанно искала себя. Благодарна была тем, кто стремится в слове отобразить мир и душу человека. Пожалуй, это были её «цветы». Глядя на соседку, она старалась быть хозяйкой на огороде. И в те дни, когда бывала там, с таким азартом кидалась всё сделать, что забывала даже перекусить. Но с хозяйственной деятельностью частенько запаздывала, а растения этого не прощают. Но мало по малу и у неё огород выглядел довольно прилично.

Была у Марии и Надежды в прошлом общая знакомая – Варвара Егоровна. Для Надежды она была почти, как мама.

Интеллигентная женщина, учительница, не имевшая своих детей, она все материнские чувства отдала семье Надежды, помогая растить сыновей. Надежда появилась у Марии, чтобы вместе попить чай в день памяти Варвары Егоровны.

– Да, прекрасная была женщина! – сказала Мария. Надежда познакомила их в далёкие восьмидесятые, представив Марию как удивительного человека, садовода, библиотекаря. На поэтических встречах Мария читала стихотворения с болью, хотя и жизнь её в то время была довольно успешной, а потом случилась беда у единственного сына, и это её, сильную и властную, подкосило, сделав сдержанной и суровой. Внуками её сын не наградил.

Заговорила Надежда:

– Прошло пятнадцать лет, и почти нет дня, чтобы я не вспомнила Варвару Егоровну. В свои преклонные годы, болея неизлечимой пока ещё болезнью, она была для нашего поэтического клуба образцом оптимизма. Помнишь, Мария, как она умела восхищаться людьми, предметами, творимыми их руками, восхищалась она и тобой.

– Да, это был замечательный человек, – молвила Мария.

– Я помню, как принесла ей шоколадные конфеты с надписью на обёртке: «Память». На обёртке были изображены незабудки. Она восторгалась художником, придумавшим такой сюжет картинки. Испытав восторг от стихотворения, она спешила отблагодарить замечательных тружеников слова. Получала ответные письма от Маргариты Алигер, от Нинель Созиновой... Восхищаться, искать людей доброго стихотворения, доброй картинки, чтобы отблагодарить, было её страстью. Она искала адрес художника Зарубина, автора «Городовичка», символа Новосибирска, автора также рисунков с изображением зверюшек, милых, как младенцы. А с какой любовью требовательностью и тактом она относилась к моим детям.

– Да, она воспитала твоих сыновей, – вздохнула Мария.

– Я с сыновьями, – продолжила Надежда, – побывала на кладбище. Прибрали её и сестры могилки, покрасили оградку. Погрустили. Миша, мой сын, вспомнил её фигуру на балконе, и слова, доносившиеся оттуда: «Миша, Серёжа, домой!» Она была для них олицетворением дома, так как родители были все в хлопотах добывания насущного хлеба.

Повспоминав так, соседки разошлись. Общались мало, всего одна две фразы через межу. Ограду между участками они не делали. Доверие здесь было полное, а досягаемость участка могла и пригодиться, в случае какого-то бедствия или болезни.

Надежда продолжала отлучаться от огорода то на праздник, то на дни рождения особенно пожилых людей, видя в этом и знак судьбы, и радость. Общались соседки только в транспорте, пока едут на автобусе или машине.

За Марией почти ежедневно приезжал сын вечером после работы. Однажды Надежда напросилась уехать с ними. Семичасовой непрерывный труд её так измотал, что, казалось, до остановки автобуса ей не дойти. Но когда она уютно уселась в машине, спина, прижатая к мягкой спинке кресла, выпрямилась, её язык развязался.

– Ну как прошёл праздник, на который ты ходила? – Мария сделала ударение на слове праздник, в этом чувствовалась лёгкая ирония. Но это Надежду как бы не задевало. Она с упоением рассказывала:

– Было интересно. Праздник назывался «Сельское подворье». Его организовали «Дачная академия» и Союз женщин Новосибирской области. Я была со знакомой, любительницей фотографировать цветы, членом районной команды активистов. Сколько было диковинных цветов, двадцать пять сортов винограда, не счесть сортов георгин, около тридцати сортов

яблок Барабинского плодово-ягодного питомника. И всё это Сибирь-матушка вырастила.

– Да, они продают саженцы, – вставила Мария. Надежда продолжила:

– Диковинные сорта картофеля, арбузы, дыни, выращенные в теплице. Каргатские женщины мне подарили помидор весом семьсот пятьдесят граммов. Я читала им стихи, они искренне порадовались моему творчеству.

– А у меня, – вдруг вставила Мария, с иронией и безразличием, – висит помидор весом один килограмм. Так она охладила пыл её соседки Надежды. И та подумала: «Что это было? Зачем сказано? Почему Мария никогда не говорит Надежде о радости своей от хорошего урожая? Почему самые запоминающиеся фразы от неё о себе «У меня лук никудашный. У меня картошка совсем плохая. Что я видела в этой жизни, кроме бесконечной работы?» И это далеко было от действительности: урожай у неё всегда были намного лучше, чем у других. На своей работе она пользовалась уважением, получала награды, даже правительственную имела. Машина остановилась. Соседки расстались. Когда ещё удастся пообщаться?

Надежда размышляла: «Почему мы приуменьшаем радости жизни? Почему, даже если делимся урожаем с другими, перестаём быть благодарными земле-кормилице, Всевышнему, который дал нам силы для преодоления преград, возникающих на пути нашей земной жизни». А на дворе стояла осень и своими расписными красками, жёлтыми, багровыми, нежно-салатными, навевала благостное настроение. Надежда утешила себя: «А всё-таки хорошая у меня соседка. И то, что мы люди разные – это даже хорошо».